

Рамазанова Лилия Мударисовна, Божкова Галина Николаевна

"МИФ О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ" В ПОЭМЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ "ЧАРОДЕЙ"

Миф о великом грешнике является одной из важнейших архаико-мифологических сюжетных схем для русской литературы. Его смысловое ядро составляет идея нравственного возрождения падшего человека. В поэме М. И. Цветаевой "Чародей" появляются герои, которых смело можно назвать "великими грешниками" - это личности широкого душевного диапазона, которые проходят путь от греха к покаянию, но новаторством наследия Цветаевой становится отсутствие одной из частей богословской триады - "спасение".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 1. С. 33-35. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82

Миф о великом грешнике является одной из важнейших архаико-мифологических сюжетных схем для русской литературы. Его смысловое ядро составляет идея нравственного возрождения падшего человека. В поэме М. И. Цветаевой «Чародей» появляются герои, которых смело можно назвать «великими грешниками» – это личности широкого душевного диапазона, которые проходят путь от греха к покаянию, но новаторством наследия Цветаевой становится отсутствие одной из частей богословской триады – «спасение».

Ключевые слова и фразы: «Миф о великом грешнике»; поэма М. И. Цветаевой «Чародей»; богословская триада; смертные грехи; психологизм.

Рамазанова Лилия Мударисовна

Божкова Галина Николаевна, к. филол. н.

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
Liliya3959@yandex.ru; bozhkova.galina@mail.ru

«МИФ О ВЕЛИКОМ ГРЕШНИКЕ» В ПОЭМЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЧАРОДЕЙ»

Формирование «мифа о великом грешнике» в народном сознании происходило на базе разнородных произведений литературы и фольклора, объединяемых общностью идеи, композиции и типологии героев. Впервые значимость этого мифа для отечественной словесности отметил Ю. М. Лотман в статье «Сюжетное пространство русского романа XIX столетия» [3], писатели ощутили его важность уже в пореформенную эпоху. Одним из главных признаков этих произведений является соответствие их композиции традиционной богословской триаде «грех – покаяние – спасение» (хотя значимость отдельных частей данной триады в разное время варьировалась), а в качестве героя повествования – «великого грешника» выступает только личность чрезвычайно широкого душевного диапазона, способная выдержать переход от тяжелейших нравственных падений к праведничеству и даже святости.

По природе своей «миф» – явление международное, так как он сформировался на основе одного из важнейших постулатов христианской этики. Однако наибольшее, почти архетипическое значение он приобрел именно в русской культуре, для которой характерна модификация обязательной для реализации «мифа» богословской триады – принципиальная незавершенность ее третьей части – «спасения» – и нередкая открытость финала.

Значимость «мифа о великом грешнике» для отечественной культуры с ее неистребимой верой в душевные силы народа, которая поддерживала русское сознание даже в самые тяжелые и смутные времена, бесспорна. Если задуматься, то Священное писание учит человека тому, что любой грех необходимо искупать раскаянием, очищением, значит, истоки «мифа о великом грешнике» можно обнаружить и в Библии. Грехи в Священном писании делятся на несколько групп: **против Господа Бога** [1, с. 107] (например, гордыня; отсутствие надежды на милосердие Господа, отчаяние; чрезмерное упование на милость Божию; занятие «чёрной» и «белой» магией, колдовством, гаданием, спиритизмом; размышления о самоубийстве, попытки покончить жизнь самоубийством; сексуальная безнравственность как прелюбодеяния, блуд, мужеложство, садомазохизм и т.д.), **грехи против ближнего** [Там же, с. 61] (неимение любви к ближним; неумение прощать, воздаяние злом за зло; убийство младенцев во чреве (аборт), советы делать аборт близким; проклинание детей; жестокосердие, жестокость к животным, птицам; лицемерие; гнев; лжесвидетельство; соблазнительное поведение, желание прельстить и т.д.), **грехи против самого себя** [Там же, с. 139] (высокоумие, духовный эгоизм, подозрительность; сквернословие; делание добрых дел напоказ; чревоугодие; любовь к материальному больше, чем к небесному, духовному; излишнее внимание к плоти; принятие блудных помыслов, услаждение нечистых помыслов; допущение вольностей до венца и извращения в супружеской жизни и т.д.).

Нас заинтересовало творческое наследие Марины Ивановны Цветаевой, чья жизнь близка намеченной нами траектории «грех-покаяние», а будет ли спасена поэтесса, знает лишь Господь Бог. Мы обратили внимание на образы лирических героев в поэме «Чародей», написанной Мариной Ивановной в марте 1914 года.

Интерес вызывает название лиро-эпического произведения – «Чародей». Обращаясь к Толковому словарю Д. Н. Ушакова, мы находим следующее значение данного слова: «1. Волшебник, колдун. 2. перен. Тот, кто пленяет, очаровывает чем-л.» [4, с. 567]. Эта лексема относится к главному герою поэмы – гувернеру лирических героинь. Прототипом стал поэт, переводчик, теоретик символизма, историк литературы Лев Львович Кобылинский, известный в литературных кругах под псевдонимом Эллис. Эллис вошел в семью Цветаевых в 1908 году в качестве гувернера. «Один из самых страстных ранних символистов, разбросанный поэт, гениальный человек», – писала о нем Марина Цветаева [6]. Он стал для сестер Чародем, а родительский дом Цветаевых в Трехпрудном переулке превратился для Эллиса в одно из самых любимых и желанных мест в Москве.

Лирическими героинями поэмы стали сама Марина Ивановна и ее сестра Анастасия.

Перед читателем разворачивается сюжет, близкий «мифу о великом грешнике». Уже в первой строфе поэмы очевидны богоборческие мотивы, появляется образ сложной личности: «Он был наш ангел, был наш демон, / Наш гувернер – наш чародей, / Наш принц и рыцарь. – Был нам всем он / Среди людей!» [5, с. 334]. Вновь интерес представляет подбор автором слов: **ангел** – «Идеал чего-нибудь, лучшее воплощение, олицетворение чего-нибудь (с оттенком восхищения). Ангел красоты» [Там же, с. 18], **демон** – «Злой искушитель, существо, обладающее таинственной силой, которое побуждает к чему-н. недоброму, злему» [Там же, с. 113]. Амбивалентность героя очевидна уже на этой стадии, но ее также усиливает художественный эффект: третье слово-образ – **гувернер** – «Воспитатель, обычно иностранец, нанимаемый в буржуазных семьях для воспитания и начального образования детей» [Там же, с. 106].

Таким образом, перед читателем предстает многомерный образ, берущий исток еще в эпохе Средневековья «рыцарь», «принц». У лирического героя наблюдается «многообразие масок» [7, р. 133], рассмотреть его настоящее лицо совсем не просто. Очевидно лишь то, что перед читателем «гувернер», призванный повести за собой, обучить не только науке, но и жизни. В лирическом герое лаконично соединяются обширные знания об окружающем мире и о глубинах человеческого сердца. Постепенно перед читателями предстает натура страстная, своеобразный «змеи-искуситель»: «В нем было столько изобилий, / Что и не знаю, как начать!» [5, с. 334]. Мы видим лирического героя глазами юных дев, обожествляющих его и влюбленных. Попраны Божьи заповеди: «Был нам всем он...» – значит, и верой, и Богом. Согласно библейскому закону, в этом случае совершается грех против ближнего – соблазнительное поведение, желание прельстить, а также грех против самого себя – принятие блудных помыслов.

Удивительно, но, описывая лирического героя, Марина Ивановна Цветаева использует постоянные сравнения, пытаясь наиболее точно изобразить его портрет: «...вылетает к нам, как птица»; «Жерло заговорившей Этны, – / Его заговоривший рот»; «...на смерть рая / Кинжалами зеленых глаз, / Змеей взвиваясь на диване!»; «С шипеньем раздраженной кобры», «Среди пятипудовых теток / Он с виду весит ровно пуд»; «Его лицо, как юный месяц, / Меж полных лун» [Там же, с. 336]. Ключевыми стали образы: птицы, кинжала, змеи, кобры, юного месяца. Очевиден контраст восприятия: от обожествленного к дьявольскому. Посланник божий – небесная птица, исчадие ада – земная змея.

Что касается психологического портрета, то согласно первой части триады («грех») мы видим лирического героя, полностью отдающегося грехам. Например, в строфах, которые описывают его чаепитие с тетушками сестер Цветаевых, можно проследить за его поведением: «О, как он мил, и как сначала / Преувеличенно-учтив! / Как, улыбаясь, прячет жало / И как, скрестив / Свои магические руки, / Умеет – берегись, сосед! – / Любезно отдаваться скуке / Пустых бесед» [Там же, с. 339]. В этом эпизоде герой совершает грех против ближнего (лицемерие) и грехи против самого себя (празднословие, лень, провождение времени в праздности). Вновь мы замечаем смысловую антитезу: «скрестив <...> руки», «улыбаясь, прячет жало». Словно сама поэтесса пытается найти ответ на вопрос: «Кто же он?» – искуситель или ангел. Далее читателю раскрывается истинное лицо гувернера: «Он вспыхивает мятежом, / За безобиднейшую фразу / Грозит ножом. / Еще за полсекунды чинный, / Уж с пеной у рта взвел курок» [Там же, с. 337]. Здесь раскрываются новые грехи против ближнего – отсутствие почтительности к старшим; прекословие, «неуступление» ближним, споры, а также грехи против самого себя – раздражение, возмущение, злопамятность, огорчение. М. И. Цветаева использует косвенный и суммарно-обозначающий виды психологического изображения, прибегая к портрету и вербальному обозначению чувств («вспыхивает», «с пеной у рта»).

В портрете особенно примечательны зеленые глаза – по древним верованиям, символ принадлежности к колдовству. В давние времена люди с большой опаской относились к недоброжелательным взглядам. Считалось, что человек, обладающий подобным цветом глаз, связан с нечистой силой и является колдуном, ведьмой. В эпоху Средневековья именно зеленоглазые люди подвергались преследованию инквизиции, нападкам, гонениям со стороны окружающих людей.

Составленный нами портрет согласуется с описанием, созданным Н. Валентиновым (Николаем Владимировичем Вольским) в его книге «Два года с символистами»: «Этот странный человек с остро-зелеными глазами, белым мраморным лицом, неестественно черной, как будто лакированной бородкой, ярко красными, “вампирическими” губами, превращавший ночь в день, а день в ночь...» [2].

Огромную роль в поэме играют и образы лирических героинь. Меняется фон повествования: магия действительности, представленная через изобилие сравнений, сменяется описанием внутреннего состояния девушек, поскольку важен факт воздействия лирического героя на душу юных дев. Почувствовать внутреннее состояние героинь и вовлечение их в грех позволяет эпизод, в котором описывается занятие сестер с гувернером. Психологизм сцены способен передать метафоры, использованные автором: «Один его звонок по зале – / И нас охватывал озноб, / И до безумия пылали / Глаза и лоб. / И как бы шевелились корни / Волос, – о, эта дрожь и жуть!» [5, с. 34]. Он входит, «И сразу хочется кружиться, / Кричать и петь» [Там же, с. 334]. Далее в процессе повествования прослеживается градация действий и чувств героев, все соединяется в один вихрь, чему способствует обилие глагольных форм («Садимся – смотрим – знаем – любим / И чуем, не спуская глаз»; «говорим»; «бегали»; «сказали»; «гонит»; «не выйдем»; «останемся»; «умрем») и динамичный двустопный ямб. Кульминацией эпизода является фраза «...и мы уже в экстазе!», после которой описывается ответная реакция «искусителя», и действие идет на спад, завершаясь строкой «Но нам уже доносят снизу, / Что чай готов» [Там же, с. 336].

Таким образом, в рассмотренном фрагменте совершаются грех против Господа Бога: нарушение заповедей Закона Божьего (а именно, второй заповеди); грехи против ближнего: наглое и вольное поведение по отношению к ближнему, соблазнительное поведение, желание прельстить; грехи против самого себя: принятие блудных помыслов, излишняя привязанность к земному.

Если внимательно вчитаться в эпизод, то можно отметить еще одну весьма интересную деталь: во многих литературных произведениях русских и зарубежных классиков (Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»; Томас Манн, «Доктор Фаустус»; М. А. Булгаков, «Мастер и Маргарита») приближение дьявола, нечистой силы сопровождается мотивом холода и озноба. Именно этот мотив наблюдается и в строках рассматриваемой нами поэмы: «охватывал озноб», «И руки сразу леденели, / И мы не чувствовали ног», «Уж наши руки стали льдом» [Там же, с. 337]. Читатель понимает, что зарождается не согревающее душу чувство любви, а холодящая кровь страсть.

Таким образом, герои обоюдно греховны друг перед другом. Однако, несмотря на всю свою греховность, лирический герой способен на покаяние. В завершающих строфах поэмы он осознает свой грех и признается в содеянном. Понять его душевное состояние, пребывание в смятении и метаниях помогают следующие

строки: «Я между Дьяволом и Богом / Разорван весь» [Там же, с. 339]; «Есть мир. Ему название – бездна / И океан. / Кто в этом океане плавал – / Тому обратно нет путей! Я в нем погиб. – Обратно, Дьявол! / Не тронь детей!» [Там же, с. 343]. Важным показателем является также стихотворный размер, перешедший из энергичного двустопного ямба в плавный, исповедальный ямб с пиррихием. Герой говорит о том, что сестры были практически марионетками в его руках, их судьбы принадлежали ему: «...скрипки / В моих руках!» [Там же], «...ко мне прижавшись слепо» [Там же, с. 344]. После покаяния лирический герой делает отчаянную попытку исправить свои ошибки, искупить грехи и привести к покаянию сестёр: «Хотите, – я сорву повязку? / Я вам открою новый путь?» [Там же]. Но героини отвечают ему отказом, так как наслаждаются греховностью и готовы продолжить отдаваться страстям.

Таким образом, если героя, возможно, в будущем ждет спасение и прощение грехов, то лирические героини этого лишены – они продолжают добровольно отдаваться страстям, и для них самый важный компонент богословской триады – «спасение» – утерян.

Можно сделать вывод, что и сама Марина Ивановна Цветаева во время создания поэмы (1914 год) далека от спасения, погружаясь в пучину безудержной страсти, ведь ей понятно поведение лирических героинь, более того, она его поощряет, и сама в свою очередь боготворит гувернера-чародея: «Не знаю, есть ли Бог на небе! – / Но, если есть – / Уже сейчас, на этом свете, / Все до единого грехи / Тебе отпущены за эти / Мои стихи» [Там же].

Список литературы

1. Библия. Ветхий Завет. Новый Завет [Электронный ресурс]. 1059 с. URL: <http://lib.pravmir.ru/data/files/Bible.pdf> (дата обращения: 12.01.2016).
2. Валентинов (Вольский) Н. Два года с символистами. М.: XXI век-Согласие, 2000. 384 с.
3. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 325-348.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с.
5. Цветаева М. И. Сочинения: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1. Стихотворения, 1908-1941; Поэмы; Драматические произведения. 719 с.
6. Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой [Электронный ресурс]. М.: Интерпринт, 1992. 544 с. URL: <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/shveizer/shvB22.html> (дата обращения: 12.01.2016).
7. Bozhkova G., Shabalina N., Frolova G. The Forms and Functions of Masks in Poetic Heritage of M. I. Tsvetaeva // Journal of Language and Literature. 2015. Vol. 6. № 3. Iss. 1. P. 133-136.

“THE MYTH ABOUT A GREAT SINNER” IN THE POEM BY M. I. TSVETAeva “THE MAGICIAN”

Ramazanova Liliya Mudarisovna

Bozhkova Galina Nikolaevna, Ph. D. in Philology

Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University

Liliya3959@yandex.ru; bozhkova.galina@mail.ru

The myth about a great sinner is one the most important archaic and mythological plot schemes for Russian literature. The idea of moral revival of a fallen person makes its semantic core. In the poem by M. I. Tsvetaeva “The Magician” there are characters, who can be safely called “the greatest sinners” – these are personalities of a wide spiritual range, who traverse a path from a sin to penance, but the innovation of Tsvetaeva’s heritage is in the absence of one of the parts of the theological triad – “salvation”.

Key words and phrases: “The Myth about a Great Sinner”; poem by M. I. Tsvetaeva “The Magician”; theological triad; deadly sins; psychologism.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

В работе исследованы особенности художественной системы лирической поэзии карачаевцев и балкарцев, выявлены основные тенденции гносеологического процесса: стремление к этнизации аксиологических, статусных и социальных концептов, поиск адекватных форм и композиционных решений для объективного отражения мироощущения лирического героя.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарская поэзия; лирическое стихотворение; жанр; концепт; этносознание.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований

kbigi@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

За время своего существования карачаево-балкарская поэзия освоила большое количество разнообразных форм выражения той или иной проблематики. Наибольшее распространение получили *лирические* и *лироэпические* жанры.

Поскольку лирика характеризуется наличием целостного образа-переживания, и формы ее «соотносятся уже не по степени развернутости изображаемого характера, как в эпосе, а по содержанию самих переживаний,